

Глава первая Непутевый родитель императора

Петр Великий ввел в России обычай, распространенный в странах Западной Европы: закреплять дружеские отношения между государствами брачными узами между представителями правящих в них династий. Старшую дочь Анну он выдал замуж за герцога Голштинского, двух племянниц — Екатерину Иоанновну и Анну Иоанновну — за герцогов Мекленбургского и Курляндского. Сыну же своему царевичу Алексею он тоже подыскал невесту — сестру супруги австрийского императора Шарлотту Христину Софью.

Царевич несколько раз встречался с нареченной невестой. Она ему не приглянулась, и он просил отца познакомить его с другими европейскими принцессами. Но царь настоял на своем. 11 апреля 1711 года был заключен контракт о бракосочетании: определен был размер приданого, закреплено право супруги исповедовать лютеранскую веру, а детей — православную. На содержание двора супруги царевича царь обязался ежегодно отпускать 50 тысяч рублей.

Свадьба состоялась 14 октября 1711 года в саксонском городе Торгау. Жених приехал сюда из Дрездена, где по повелению отца одолевал науки. Петр же прибыл из Карлсбада, где поправлял здоровье после завершения трагического Прутского похода. «Объявляю вам, что сего дня свадьба сына моего совершилась, — писал он в этот день своей жене Екатерине, — на которой знатных людей было много, а отправляли в дому королевы Польской».

На четвертый день после свадебных торжеств Петр дал сыну ряд поручений, потребовавших его присутствия сначала в Польше, а затем в Померании и Мекленбурге. Совместная жизнь супругов по-настоящему началась только в 1713 году.

Брак по расчету оказался неудачным. Худая, непривлекательная, с лицом, пораженным оспой, супруга не вызывала ни симпатий, ни любви. Выпивши, царевич как-то жаловался своему камердинеру: «Вот де Гаврила Иванович (канцлер Головкин. — *Н. П.*) с детьми своими жену мне на шею чертовку навязали: как де к ней не приду, все де сердитует и не хочет де со мною говорить».

Супруга имела основания «сердитовать» на царевича: тот увлекался горячительными напитками, окружил себя попами и лицами с далеко не безупречной нравственностью, завел любовницу, что, несомненно, раздражало и шокировало чопорную немку, обладавшую светскими манерами.

Младший брат английского короля Эрнст Август в июне 1712 года писал о завидной участи супруги царевича: «Верно то, что царевна весьма несчастна, некоторые даже говорят, что, если у нее не будет детей, он вправе заключить ее в монастырь, если не поступит с нею еще хуже». 12 июня 1714 года Шарлотта родила дочь Наталью, а 12 октября 1715 года — сына Петра. Через несколько дней после тяжелых родов Шарлотта скончалась. Умирая, она выразила удовлетворение тем, что благодаря ей «царский дом умножится еще одним принцем».¹

Царевич же Алексей Петрович и после смерти жены не оставил своих дурных наклонностей. По-прежнему он проводил дни в пьянстве, окруженный совершенно ничтожными собутыльниками.

Царь иногда обременял сына поручениями, но далеко не всегда оставался удовлетворенным их выполнением — царевич как бы отбывал неприятную для себя повинность, не проявлял собственной инициативы и не обнаруживал никакого

¹ Устрялов Н. Г. История царствования Петра Великого. Т. 6. СПб., 1859. С. 35, 41.

желания угодить отцу.²

Все это вызывало страшное раздражение Петра. Поначалу он надеялся на то, что царевич образумится и отрешится от пьянства и детских игр, которым предавался с упоением, не соответствовавшим возрасту. По его собственным словам, случилось, что он «не точию бранил, но и бивал» сына. Но надеждам этим не суждено было сбыться, и в октябре 1715 года Петр отправил сыну послание с тяжкими обвинениями и прямой угрозой лишить его наследия.

Сын ответил отцу письмом. По совету князя Василия Владимировича Долгорукого он объявил, что не претендует на наследование престола и готов довольствоваться тем, что отец обеспечит его пропитанием. «Вижу себя к сему делу неудобна и непотребна, — писал он, — понеже памяти весьма лишен... и всеми силами умными и телесными... ослабел и непотребен стал к толикого народа правлению, где требует человека не такого гнилого, как я». Сочиняя это письмо, Алексей руководствовался наставлением Долгорукого: «Давай писем хоть тысячу, еще когда что будет».

Царь счел ответ пустой отговоркой. Он сомневался в искренности сына и в январе 1716 года отправил ему второе письмо. Теперь царь требовал от сына сделать окончательный выбор: «Или отмени свой нрав и неллицемерно удостой себя наследником, или будь монах». «Всем известно есть, — выговаривал Петр, — что паче ненавидишь дел моих, которые я для людей народа своего, не жалея здоровья своего, делаю, и конечно по мне разорителем оных будешь».

Помимо В. В. Долгорукого у царевича был еще один наставник — Александр Васильевич Кикин, в прошлом любимый денщик Петра. Обвиненный в казнокрадстве, он попал в немилость и сделал ставку на царевича, рассчитывая на его щедрые пожалования после воцарения. Он и подал царевичу совет, в общем схожий с советом Долгорукого: соглашаться на пострижение в монастырь: «вить клобук не гвоздем к голове прибит». Царевич внял и этому совету и ответил отцу: «Желаю монашеского чина и прошу о сем милостивого позволения».

Петр не верил готовности сына принять монашеский чин, но в то же время не спешил и с обрядом пострижения. Он решил дать последнюю возможность сыну доказать делом свою лояльность. В августе 1716 года, находясь в Копенгагене, Петр отправил третье письмо сыну с требованием либо назвать время, когда будет совершено пострижение, либо, «не мешкая», прибыть «сюда, ибо еще можешь к действиям поспеть», то есть принять участие в военной кампании против шведов.

Получив письмо, царевич немедленно отправился к санкт-петербургскому губернатору Меншикову и объявил о своем намерении отправиться к отцу. В действительности же Алексей к отцу ехать не собирался. Единственным человеком в столице, которому он доверил подлинный маршрут своего путешествия, оказался камердинер. Предварительно взяв от него клятву хранить сказанное в тайне, царевич сообщил ему: «Я не к батюшке поеду; поеду к цесарю или в Рим».

О намерениях царевича знал и Кикин. Более того, он являлся активным организатором побега: именно ему царевич поручил договориться с австрийскими властями о предоставлении убежища.

26 сентября 1716 года царевич Алексей налегке, захватив с собой лишь свою любовницу Евфросинью — девку из крепостных, ее брата Ивана Федоровича и трех служителей, отбыл из Петербурга. В Либаве царевич встретился с Кикиным и спросил, нашел ли тот безопасное место. «Нашел, — отвечал тот, — поезжай в Вену к цесарю, там не выдадут».³

² Письма и бумаги императора Петра Великого. Т. 8. Вып. 1. М., 1951. С. 323.

³ Устрялов Н. Г. Указ. соч. С. 349, 350.

После этого царевич исчез. Проходит месяц, другой, по всем расчетам он должен быть в Копенгагене, а его там нет. Отсутствие сына вызвало у царя тревогу: он полагал, что царевич либо стал жертвой дорожного происшествия — нападения разбойников, либо — что казалось более вероятным — бежал. 9 декабря Петр велел генералу Вейде, командующему корпусом в Мекленбурге, организовать поиски сына. Одновременно он вызвал из Вены резидента Авраама Веселовского. Последнее свидетельствовало об уверенности Петра в том, что его сын бежал во владения австрийского императора. Веселовскому было вручено письмо царя для передачи его императору Карлу VI.

Начались интенсивные поиски царевича. Офицеры генерала Вейде никаких его следов не обнаружили. Успешнее действовал Веселовский. Расспрашивая владельцев гостиниц и служителей почтовых станций, он напал на след, который привел его в Вену. Однако попытки обнаружить царевича в столице империи или в ее окрестностях оказались тщетны.

В то время как царские следопыты сбились с ног в поисках царевича, он под чужой фамилией прибыл в Вену глубокой ночью, добился аудиенции у вице-канцлера графа Шенборна и, страшно волнуясь, с ужасом озираясь по сторонам, произнес: «Я пришел сюда просить императора, моего шурина, о покровительстве, о спасении самой жизни моей. Меня хотят погубить; меня и бедных детей моих хотят лишить престола».

В Вене не рискнули публично предоставить царевичу убежище и упрятали его сначала в местечко Вейербург, неподалеку от Вены, а три недели спустя перевезли его в Тироль, где он должен был жить под видом государственного преступника в крепости Эренберг.

Однако надолго сохранить в тайне местопребывание царевича не удалось. Оно стало известно царю благодаря усилиям резидента Авраама Веселовского. В помощь Веселовскому царь направил в Вену гвардии капитана Александра Ивановича Румянцева с тремя офицерами и поручением схватить царевича и доставить в Мекленбург. Однако выполнить подобное поручение было невозможно — крепость Эренберг сильно охранялась, и Румянцеву ничего не оставалось, как организовать со своими людьми внешнее наблюдение за местом пребывания царевича. Им удалось проследить за очередным перемещением царевича Алексея: из замка Эренберг его в закрытой карете перевезли в Неаполь; Румянцев и его люди неотступно следовали за ним.

В это время в Вене появился опытный дипломат Петр Андреевич Толстой с посланием царя к императору Карлу. Прибытие Толстого в Вену было подобно грому среди ясного неба — император и его министры были абсолютно уверены, что им удалось упрятать царевича так основательно, что его никто не сможет обнаружить. В послании царь без обиняков выразил «любезному другу и брату» свое удивление по поводу того, что его сына укрывали в Эренберге, а теперь отправляют в Неаполь.

Руководство операцией по возвращению беглеца в Россию царь поручил Толстому. Сразу можно сказать, что лучшего исполнителя повеления царя трудно было сыскать, ибо Толстой являлся искусным дипломатом и прекрасно владел диаметрально противоположными приемами ведения переговоров: он сочетал ласку и лесть с жесткостью и даже жестокостью, не останавливаясь перед тем, чтобы лишить жизни человека, если в том возникала необходимость. (Будучи послом в Турции, Толстой собственноручно отравил одного подьячего из состава посольства, принявшего ислам, опасаясь, что тот может раскрыть туркам шпионскую сеть, умело организованную им в столице Османской империи.) Кроме того, Петр Андреевич

обладал еще двумя очень важными в данном случае преимуществами: он хорошо знал итальянский язык и уже бывал в Неаполе, где скрывался царевич.

Толстой не ограничился аудиенцией у императора. Он вступил в переговоры с его тещей герцогиней Вольфенбюттельской, бывшей одновременно матерью покойной супруги царевича Алексея Шарлотты Христины Софьи. Хотя теща царевича поначалу заявила, что ей неизвестно место его пребывания, но затем под напором фактов вынуждена была дать обещание всячески содействовать возвращению беглеца. Пришлось идти на уступки и императору. Австрийское правительство признало факт предоставления убежища царевичу Алексею. Толстому разрешено было встретиться с ним. Правда, ему было заявлено, что если царевич откажется вернуться в Россию, то насильно, вопреки его воле, выдавать его не будут.

Но все же это был несомненный успех Толстого. Открывались пути непосредственного воздействия на царевича.

Прежде всего Толстой добился права на свидания с царевичем у неаполитанских властей. Более того, император отправил в Неаполь курьера с повелением вице-королю графу Дауну оказывать всяческую помощь Толстому.

Первое свидание Толстого и Румянцева с царевичем состоялось 26 сентября 1717 года. Для царевича встреча с доверенными людьми отца оказалась полной неожиданностью. Алексей полагал, что терпит режим арестанта только ради того, чтобы скрыть место своего пребывания, а на проверку оказалось, что никакой тайны нет и отцу хорошо известно, где именно он укрывается. При виде Толстого и Румянцева царевич онемел от страха. В особенности его приводило в трепет присутствие гвардейского капитана, который, как полагал он, прибыл с целью лишить его жизни.

Толстой вручил царевичу два письма: одно от тещи-герцогини, другое от отца, написанное в Спа 10 июля 1717 года. Оно столь выразительно и эмоционально, что заслуживает того, чтобы воспроизвести его полностью:

«Мой сын! Понеже всем есть известно, какое ты непослушание и презрение воли моей делал, и ни от слов, ни от наказания не последовал наставлению моему, но наконец, обольстя меня и заклинаясь Богом при прощании со мною, потом что учинил? Ушел и отдался, яко изменник, под чужую протекцию, что не слыхано не токмо между наших детей, но ниже между нарочитых подданных, чем какую обиду и досаду отцу своему и стыд отечеству своему учинил!

Того ради посылаю тебе ныне сие последнее к тебе, дабы ты по воле моей учинил, о чем тебе господин Толстой и Румянцев будут говорить и предлагать. Буде же побоишься меня, то я тебя обнадеживаю и обещаюсь Богом и судом Его, что никакого наказания тебе не будет, но лучшую любовь покажу тебе, ежели воли моей послушаешь и возвратишься. Буде же сего не учинишь, то, яко отец, данную мне от Бога властью, проклинаю тебя вечно, а яко государь твой, за изменника объявляю и не оставлю всех способов тебе, яко изменнику и ругателю отцову, учинить, в чем Бог мне поможет в моей истине. К тому помяни, что я все не насильством тебе делал, а когда б захотел, то почто на твою волю полагаться? Что хотел, то б сделал».⁴

Мы не знаем, сколь продолжительным было свидание и какие монологи произносил Толстой. Бесспорно одно: Петр Андреевич, руководствуясь инструкцией, пытался воздействовать на Алексея Петровича и ласками, и угрозой, и, наконец, уговорами. Все старания, однако, оказались бесплодными. Царевич испуганно молчал.

⁴ Там же. С. 388, 389.

Следующая встреча состоялась через два дня, 28 сентября. Ее результаты тоже были неутешительными. И все же состояние шока у царевича миновало, и он заговорил. Обдумав содержание письма отца и обещания Толстого, на которые тот, естественно, не скупился, Алексей наотрез отказался вернуться в Россию: «Возвратиться к отцу опасно и пред разгневанное лицо явиться не безстрашно; а почему не смею возвратиться, о том письменно донесу протектору моему, его цесарскому величеству».

После того как ласки не подействовали. Толстой перешел к языку угроз. Он заявил, что царь не удовлетворится до тех пор, пока не получит его живым или мертвым. Чтобы вернуть блудного сына в лоно семьи, отец не остановится и перед военными действиями. О себе Петр Андреевич сказал, что не уедет из Неаполя и будет следовать за царевичем повсюду, куда бы тот ни отправился, до тех пор, пока не доставит его отцу. Последняя угроза, похоже, произвела на царевича неотразимое впечатление. Он позвал Дауна в другую комнату, чтобы спросить, может ли он, царевич, положиться на покровительство императора, ибо не желает возвращаться к отцу. Получив положительный ответ, царевич воспрял духом и заявил собеседникам, что ему надобно время для размышления. 1 октября 1717 года Толстой и Румянцев отправили письмо царю с отчетом о результатах свиданий: «Сколько, государь, можем видеть из слов его, многими разговорами он только время продолжает, а ехать в отечество не хочет, и не думаем, чтобы без крайнего принуждения на то согласился».

У Толстого созрел план, как оказать на царевича «крайнее принуждение», как его «отчаяти», чтобы он согласился на выезд. Для этого он готов был воспользоваться любыми средствами, включая шантаж, запугивание и подкуп. Коварный план Толстого состоял в том, чтобы лишить Алексея уверенности в готовности императора пойти ради него на все, в том числе и на вооруженный конфликт с Петром.

Подкупленный Толстым секретарь графа Дауна, непосредственно общавшийся с царевичем, по заданию Толстого как бы невзначай, мимоходом, но под большим секретом должен был сказать ему, чтобы он не надеялся «на протекцию цесаря, который оружием ево защищать не может при нынешних обстоятельствах, по случаю войны с турками и гишпанцами». Давление на царевича должен был оказать и вице-король. Толстой попросил графа Дауна сообщить Алексею о намерении отобрать у него Евфросинью «для того, чтобы царевич из того увидел, что цесарская протекция ему ненадежна и поступают с ним против ево воли». Наконец, сам Петр Андреевич во время очередной встречи заявил царевичу, что сию минуту получил письмо от царя, в котором тот будто бы писал, что «конечно доставать намерен оружием» своего сына и что русские войска, сосредоточены в Польше, готовые в любой момент перейти границу.

Еще раз Толстой воспользовался дезинформацией, заявив загнанному в угол царевичу, что в Неаполе вот-вот появится сам царь Петр.

Последнее известие полностью сломало волю царевича. Представив себе разъяренное, пышущее гневом лицо родителя, сын утратил всякую способность к сопротивлению и дал согласие возвратиться в Россию. 3 октября 1717 года Толстой и Румянцев извещали Петра: «Его высочество государь царевич Алексей Петрович изволил нам сего числа объявить свое намерение, оставя все прежние противления, повинуется указу вашего величества и к вам в С.-Питербурх едет беспрекословно с нами». Петр получил и письмо от сына, помеченное 4 октября: «Письмо твое, государь, милостивейшее чрез господ Толстого и Румянцева получил, из которого, также из устного мне от них милостивое от тебя, государя, мне всякие милости, недостойному в сем моем своевольном отъезде, будет, буде я возвращуся, прощение... И, надеяся на милостивое обещание ваше, полагаю себя в волю вашу и с

присланными от тебя, государя, поеду из Неаполя на сих днях к тебе, государю, в С.-Петербург».⁵

Царевич именовал себя в письме «всенижайшим и непотребным рабом и недостойным назваться сыном». Получив письмо, царь еще раз подтвердил обещание простить сына, «в чем, — писал он, — будь весьма надежен. Также о некоторых твоих желаниях писал к нам господин Толстой, которые здесь вам позволяют, о чем он вам объявит». Под «некоторыми желаниями» подразумевалась просьба царевича разрешить ему жениться на Евфросинье, чтобы потом жить частным лицом в деревне. Об этом Петр извещал Толстого — оба желания сына он готов удовлетворить: будет разрешено «жениться на той девке, которая у него, также, чтобы ему жить в своих деревнях».⁶

На родину, однако, царевич возвращался без «той девки» — Евфросинья была беременна, и отец будущего ребенка решил, что ей безопаснее ехать по более благоустроенным дорогам, чем те, по которым катилась его карета навстречу гибели.

Сохранилось несколько писем царевича, адресованных возлюбленной, — они наполнены нежной о ней заботой. Само обращение близко по форме к обращению Петра к Екатерине: «Матушка моя, друг мой сердешный, Афросиньюшка». Не менее трогательные слова и советы можно обнаружить в содержании писем: «А дорогою себя береги, поезжай в летиге, не спеша, понеже в Тирольских горах дорога камениста, сама ты знаешь. А где захочешь — отдыхай. Не смотри на расход денежной: хотя и много издержишь, мне твое здоровье лучше всего. А здесь, в Инсбруке, или где инде купи коляску хорошую покойную». Слепую веру в привязанность Евфросиньи к себе иллюстрирует и другое письмо царевича: «Не печалься, друг мой, для Бога». «Маменька, друг мой! По рецепту дохтурову вели лекарство сделать в Венеции, а рецепт возьми к себе опять. А буде в Венеции не умеют так же, как и в Болонии, то в немецкой земле в каком-нибудь большом городе вели оное лекарство сделать, чтобы тебе в дороге без лекарства не быть».

Евфросинья, видимо, не питала взаимных чувств к царевичу и руководствовалась в своем отношении к нему примитивным расчетом — крепостной девице было лестно иметь любовником царевича, обещавшего взять ее в жены. Надо полагать, она мечтала о том, чтобы повторить судьбу Екатерины Алексеевны — возлюбленной Петра, ставшей его женой. Финка из крестьянской челяди учителя царевича Вяземского, она, кажется, не обладала даже привлекательной внешностью. «А была та девка росту высокого, собою дюжа, толстогубая, волосом рыжая, — описывает ее современник, — и все дивилися, как пришлося царевичу такую скардную чухонку любить и так постоянно с нею в обращении пребывать».⁷ Когда в Неаполь прибыли Толстой и Румянцев, Евфросинья быстро сообразила, какой опасности подвергает свою жизнь, связывая свою судьбу с царевичем, и за обещание Толстого женить на ней своего младшего сына (обещание конечно же невыполнимое!) стала усердно помогать Петру Андреевичу. Во время следствия Евфросинья показывала: «А когда господин Толстой приехал в Неаполь и царевич хотел из цесарской протекции уехать к папе Римскому, но я его удержала». Не случайно Толстой снизошел до отправки письма к ней из Твери: он извещал ее о прибытии «в свое отечество государя-царевича» и завершил послание фразой: «Все так исправилось, как вы желали». Истолковать эту фразу можно только так, что

⁵ Там же. С. 402–406, 411.

⁶ Там же. С. 420, 421.

⁷ Там же. С. 629.

Евфросинья желала возвращения царевича в Москву.

Царевич выехал из Неаполя 14 октября 1717 года, а прибыл в пригород Москвы поздно вечером 31 января следующего года. Нет нужды описывать дорожные происшествия и препятствия, чинимые австрийскими властями. Ловкому Толстому удалось успешно преодолеть их — в Москву он доставил беглеца живым и здоровым.

Блестяще выполненное поручение вынудило царя забыть грехи, допущенные Толстым в молодости, и щедро наградить его. Первое пожалование относится к 26 марта 1718 года, когда Толстой получил на Васильевском острове дом, ранее принадлежавший опальному Аврааму Лопухину, «с палатным и прочим строением и со всякими припасы», а также загородное дворовое место, которым ранее владел один из Нарышкиных. По указу же от 13 декабря «за показанную так великую службу не токмо мне, но паче ко всему отечеству, в приведении по рождению сына моего, а по делу злодея и губителя отца и отечества», Толстому был пожалован чин действительного тайного советника и в общей сложности 2638 дворов. Петр Андреевич совершил головокружительную карьеру и сумел обогатиться невероятно: если начинал он службу беспоместным дворянином, не имевшим ни одной крепостной души, то к концу жизни в его вотчинах, разбросанных по 22 уездам империи, числилась 12 521 мужская душа.⁸ Указом от 15 декабря 1717 года, то есть еще в то время, когда он вместе с царевичем находился в пути, Толстой был назначен президентом Коммерц-коллегии, а позднее — сенатором. В результате он вошел в число 10–12 вельмож, составлявших верхушку формировавшейся российской бюрократии. Но обе эти должности не шли ни в какое сравнение с третьей — начальника Тайной канцелярии. История этого грозного и мрачного учреждения исторически связана с делом царевича Алексея.

3 февраля состоялся въезд царевича в Москву, где находился двор и куда были вызваны сенаторы, высшее духовенство и генералитет. Сцена встречи царевича с отцом описана современником: «Войдя в большую залу дворца, где находился царь, окруженный всеми своими сановниками, царевич вручил ему бумагу и пал на колени перед ним. Царь передал эту бумагу вице-канцлеру барону Шафирову и, подняв несчастного сына своего, распростертого у его ног, спросил, что имеет он сказать. Царевич отвечал, что он умоляет о прощении и о даровании ему жизни.

На это царь возразил ему: я тебе дарую то, о чем ты просишь, но ты потерял великую надежду наследовать престолом нашим и должен отречься от него торжественным актом за своею подписью.

Царевич изъявил свое согласие. После того царь сказал: “Зачем не внял ты моим предостережениям и кто мог советовать тебе бежать?” При этом вопросе царевич приблизился к царю и говорил ему что-то на ухо. Тогда они оба удалились в смежную залу, и полагают, что там царевич назвал своих сообщников».⁹

После уединенного разговора собеседники возвратились в зал, где царевич подписал заготовленное отречение от престола: «Наследства никогда ни в какое время не искать и не желать и не принимать его ни под каким предлогом». Тут же был обнародован манифест о лишении Алексея права наследовать престол.

Догадка иностранного дипломата о содержании уединенной беседы отца с сыном оказалась правильной: Алексей назвал главных сообщников — лиц, причастных к организации бегства и знавших о его намерении бежать. Петр руководство следствием взял в свои руки, а исполнителем своей воли назначил

⁸ Павленко Н. И. Вокруг трона. М., 1999. С. 336.

⁹ РА. 1907. № 7. С. 313.

Толстого и Меншикова. Следствие велось сначала в Москве и продолжилось в Петербурге.

Так называемые вопросные пункты для царевича составил сам Петр. Царя интересовали сообщники царевича, подсказавшие ему мысль формально отречься от престола и бежать за границу. Отец призывал сына к полной откровенности и чистосердечному рассказу обо всем: «Все, что к сему делу касается, хотя чего здесь и не написано, то объяви и очисти себя, как на сущей исповеди. А ежели что укроешь, а потом явно будет — на меня не пеняй, вчерась пред всем народом объявлено, что сие пардон не в пардон».¹⁰

Опираясь на показания сына, начиная с 4 февраля 1716 года царь отправлял в Петербург одного курьера за другим с повелением генерал-губернатору Меншикову взять под стражу оговоренных и препроводить в Москву. «Майн фронт, — обращался царь к князю, — при приезде сын мой объявил, что ведали и советовали ему в том побеге Александр Кикин и человек его Иван Афанасьев, чего для возьми их тотчас за крепкий караул и вели сковать».

Несколько часов спустя, узнав, что оба брата Афанасьевых назывались Иванами, царь отправил другого курьера с письмом, в котором уточнил, что сковать надлежит старшего, «а не хуже, чтоб и всех людей (царевича. — *Н. П.*) подержать, хотя и не ковать». 6 февраля, еще не получив донесений от Меншикова о выполнении предшествующих повелений, царь отправляет курьера с новым предписанием: «Кикина и Афанасьева разпроси в застенке, один раз пытай только вискою одною, а бить кнутом не вели, и ежели еще кто явитца, и тех так же». Царь велел немедленно прислать всех в Преображенское и тут же пояснил, почему он запретил их истязать кнутом: «чтоб дорогою не занемогли».

Круг причастных к делу лиц расширялся, и царь посылал к Меншикову еще много курьеров с предписанием «взять за караул» князя генерала Долгорукого, Ивана Нарышкина, брата и сестру своей бывшей супруги — Авраама Лопухина и Варвару Головину — и многих других. Всех их надлежало доставить в Преображенское. «Дело зело множится», — писал он.

Показания сообщников обнаружили чудовищные планы царевича, причем главной обвинительницей оказалась возлюбленная Евфросинья, от которой у Алексея не было тайн. Вина его не ограничивалась тем, что он, по собственному признанию, «забыв должность сыновства и подданства, ушел и поддался под протекцию цесарскую и просил его о своем защищении». Под влиянием показаний свидетелей Алексей вынужден был признать, что намеревался, опираясь на иностранные штыки, добиваться трона. Кроме того, царевич в борьбе за власть ориентировался на силы, враждебные преобразованиям, на тех, «кто любит старину». Нити заговора привели и в суздальский Покровский монастырь, где жила бывшая царица Евдокия Федоровна, первая жена царя Петра Алексеевича, постриженная им в монахини. (По этому делу был организован особый, так называемый «суздальский», розыск.)

Царь отправил два одинаковых по содержанию послания: одно было адресовано духовным иерархам, другое — светским чинам. Обращаясь к тем и другим, Петр заявил, что он, как отец и как государь, мог бы сам вынести приговор, но прибегает к их помощи и передает дело на их рассмотрение. «Боюсь Бога, — писал он, — дабы не погрешить, ибо натурально есть, что люди в своих делах меньше видят, нежели другие в их». На совместном собрании духовенства и светских чинов присутствовал и царевич, введенный в зал четырьмя офицерами.

На следующий день после объявления о суде над царевичем, то есть 14 июня

¹⁰ Устрялов Н. Г. Указ. соч. С. 444, 445.

1718 года, его взяли под стражу и заключили в Петропавловскую крепость. Отныне он был низведен до положения обычного колодника. Если раньше Алексей жил на свободе и сам излагал ответы на поставленные вопросы, то теперь его стали пытаться и ответы записывал канцелярист Тайной канцелярии. Приведем несколько выдержек из «Записной книги С.-Петербургской гварнизонной канцелярии».

14 июня 1718 года: «Привезен в гварнизон под караул царевич Алексей Петрович и посажен в роскат Трубецкого в палату, в котором был учинен застенок».

19 июня 1718 года: «Его царское величество и прочие господа сенаторы и министры прибыли в гварнизон по полуночи в 12 часов в начале, а именно: светлейший князь (Меншиков), адмирал (Апраксин), князь Яков Федорович (Долгорукий), генерал Бутурлин, Толстой, Шафиров и прочие; и учинен был застенок; и того же числа по полудни в 1 часу разъехались».

Того ж числа по полудни в 6 часу в исходе паки его величество прибыл в гварнизон; при нем генерал Бутурлин, Толстой и прочие, и был учинен застенок; и потом, быв в гварнизоне до половины 9 часа, разъехались».

Всего в застенок царевича приводили семь раз, причем 19 и 24 июня его подвергали пыткам по два раза; на пяти розысках присутствовал царь.

Последний застенок состоялся 26 июля: «По полуночи в 8 часу начали собираться в гварнизон его величество, светлейший князь, Яков Федорович, Гаврила Иванович Головкин, Федор Матвеевич, Иван Алексеевич (Мусин-Пушкин), Тихон Никитич (Стрешнев), Петр Андреевич (Толстой), Петр Шафиров, генерал Бутурлин и учинен застенок; и потом быв в гварнизоне до 11 часа, разъехались».

Того же числа по полудни в 6 часу, будучи под караулом в Трубецком роскате в гварнизоне, царевич Алексей Петрович преставился».

Обстоятельства смерти царевича неизвестны и вряд ли когда-либо в точности будут выяснены. Считается, что слабый организм Алексея не вынес пыток, которые и стали причиной его смерти. Среди современников носилось множество слухов о смерти царевича, в том числе и совершенно нелепых. Австрийский посол Плейер доносил, что царевич, слушая приговор, пришел в такой ужас, что с ним сделался удар, от которого он скончался. Голландский резидент Яков де Би извещал правительство, «что кронпринц умер в четверг вечером от растворения жил». Позднейшие писатели, не являвшиеся современниками, утверждали, что царевич был отравлен, что ему сам царь отрубил голову. Самой распространенной версией гибели царевича была та, что содержалась в письме А. И. Румянцева (того самого, который вместе с Толстым доставил царевича из Неаполя в Россию) к некоему Андрею Ивановичу Титову. Это письмо имело широкое распространение в середине XIX века; в нем подробно описывалось, как царевич был удушен подушками. Некоторые подробности письма придают ему черты достоверности. Однако было установлено, что письмо это является фальшивкой: во-первых, потому что адресата в лице Титова не существовало; во-вторых — подлинник письма отсутствует, оно распространялось в копиях и, видимо, возникло в среде славянофилов; в-третьих, язык письма не соответствует языку первой четверти XVIII века.

Были казнены и сообщники царевича, причем расправлялись с ними с особой жестокостью. Кикин, главный советник царевича и организатор побега, был колесован в Москве. Чтобы продлить мучения, ему отрубали руки и ноги с большими промежутками во времени. Отрубленную голову палач воздел на кол. Степан Глебов, обвиненный в блудном сожителе с бывшей царицей Евдокией, был посажен на кол; ростовский епископ Досифей за сводничество и попустительство Евдокии, обрядившейся в Суздальском монастыре при его молчаливом согласии в мирскую одежду, низложен и колесован. Саму Евдокию Федоровну отправили в Ладожский монастырь с более суровым режимом содержания.

Так погиб царевич Алексей. После него остались четырехлетняя дочь Наталья и трехлетний сын Петр.

Нельзя не задаться вопросом: как могло получиться, что у талантливого отца, имеющего репутацию крупнейшего государственного деятеля в истории России, человека с железной волей и неиссякаемой энергией, бывшего, по выражению А. С. Пушкина, работником на троне, мог вырасти столь никчемный, ленивый, чуждый делу родителя сын, более похожий на мать, чем на отца, легко поддававшийся дурным влияниям сторонних людей?

Прямого ответа на этот вопрос источники не дают, и историк вынужден, отвечая на него, блуждать в догадках, выстраивая из известных ему событий логический ряд, позволяющий объяснить условия и причины семейной трагедии.

Прежде всего ответственность за случившееся надлежит возложить на отца, не уделявшего должного внимания воспитанию сына, наследника престола. Оспаривать этот факт нет смысла, можно лишь объяснять, как такое могло произойти. Здесь можно привести множество суждений, если не снимающих вину с Петра, то объясняющих мотивы его поступков.

Первостепенное влияние на воспитание сына оказал разлад в семье. Петр, первоначально с любовью относившийся к красавице супруге, через год-два охладел к ней. Евдокия Лопухина, женщина с привлекательной внешностью, но целиком находившаяся в плену старомосковских представлений о своей роли в семье, неспособная, благодаря ограниченному интеллекту, воспринимать новшества, наводившая скуку своей покорностью, быстро опостылела Петру. Царевич рос при дворе матери до восьми лет, то есть до возраста, когда формируются основные свойства человеческой природы: трудолюбие, любознательность, любовь к родителям, уважение к их делам и т. д.

Отвергнутая супруга, как и ее окружение, прививала сыну ненависть к отцу, осуждала его частые визиты в Немецкую слободу и путешествия за границу. Обстановка в семье не способствовала воспитанию цельной природы, вынуждая царевича постоянно лавировать между отцом и матерью, скрывать подлинные чувства, лицемерить, гасить откровенность.

Шести лет царевича начали обучать грамоте. Его учителем был Никифор Вяземский, человек слабовольный, малообразованный, лишенный педагогических способностей. Он не сумел привить ни уважения к себе, как воспитателю, ни любви к труду. Воспитанник, когда подрос, часто бивал своего наставника палкой, драл за волосы и, чтобы избавиться от уроков, давал ему поручения, требовавшие выезда из Москвы.

После возвращения из заграничного путешествия в 1698 году и заточения Евдокии в келью Суздальского Покровского монастыря Петр решил отправить сына для продолжения обучения в Дрезден. Но этому неслыханному для того времени плану не суждено было осуществиться — в 1700 году с катастрофического поражения русских войск под Нарвой началась война со Швецией. В жизни Петра наступил новый этап, когда он вынужден был сосредоточить свою недюжинную энергию на борьбе с грозным противником, покушавшимся на суверенитет страны.

Но и в этой крайне напряженной обстановке царя не покидала мысль отправить сына за границу, на этот раз не в Дрезден, а в Вену. Однако военные успехи шведского короля и угроза наследнику оказаться в неприятельском плену вынудили царя отказаться и от этого плана и принять решение обучать сына в России. Воспитателем и учителем был приглашен барон Гюйссен, получивший превосходное образование в немецких университетах. Контракт об условиях его поступления на русскую службу был заключен в 1702 году, а в следующем году он составил обширную программу обучения царевича, предусматривавшую овладение французским языком, сведениями по географии, геометрии, астрономии,

фортификации и, для придания воспитаннику внешнего лоска, танцам и верховой езде.

Гюйссену определили должность обер-гофмаршала царевича с жалованьем в тысячу рублей в год, однако он отказался от этой должности, в обязанности которой входили хозяйственные и финансовые заботы. Их он нашел для себя обременительными и попросил назначить на эту должность Меншикова, а себя — его помощником. Таким образом, фактически неграмотный и невоспитанный Меншиков становился главным наставником наследника. Петр удовлетворил просьбу Гюйссена. «Узнав о ваших добрых качествах и вашем добром поведении, — писал он ему по возвращении в Москву из похода 1703 года, завершившегося взятием Ниеншанца (в котором, между прочим, участвовал и тринадцатилетний царевич в качестве солдата бомбардирской роты), — я вверяю единственного моего сына и наследника моего государства вашему надзору и воспитанию. Не мог я лучше изъявить вам мое уважение, как поручить вам залог благоденствия народного. Не мог я ни себе, ни своему государству сделать ничего лучшего, как воспитав моего преемника. Сам я не могу наблюдать за ним, вверяю его вам, зная, что не столько книги, сколько пример будет служить ему руководством».

Однако в начале 1705 года Петр отправил Гюйссена за рубеж для выполнения разного рода дипломатических поручений, и тот возвратился в Москву только в октябре 1708 года. Три с половиной года отсутствия Гюйссена падают на время, когда царевичу надлежало наполнять голову полезными знаниями, а он был предоставлен самому себе. Будучи юношей слабовольным, царевич попал под полное влияние попов, юристов, родственников бывшей царицы Лопухиной. Его вполне устраивали детские игры, беззаботное времяпровождение. Бездельничать ему никто не мешал: отец был поглощен войной, обер-гофмейстер находился в Петербурге, а воспитанник — в Москве.

Впрочем, отец не забывал о существовании сына и время от времени, чтобы приобщить его к делам управления, давал ему поручения: заготовить провиант, набрать рекрутов, подготовить Москву к обороне на случай появления у ее стен неприятеля и др.

После разгрома шведов под Полтавой появилась наконец возможность отправить царевича для обучения за границу. В октябре 1709 года царь велел сыну отправиться в Дрезден, чтобы он, «будучи там, честно жил и прилежал больше к учению, а именно языкам (которые уже учишь, немецкий и французский), геометрии и фортификации и отчасти политических дел». В Дрезден царевича сопровождали сыновья князя Ю. Трубецкого и канцлера Г. Головкина, которых Меншиков, все еще сохранявший должность обер-гофмаршала, обязал, «яко честных и обученных господ», жить там инкогнито, учтиво обходиться с местными жителями и следить, «чтоб его величество государь царевич в наказанных ему науках всегда обретался». Наконец, инструкция требовала от сопровождавших царевича господ иметь с ним «доброе согласие и любовь».

Трехлетнее пребывание за границей почти не обогатило царевича знаниями. Об этом можно судить по его показанию во время следствия: «Когда я приехал из чужих краев к отцу моему в Санктпетербурх, принял он меня милостиво, и спрашивал, не забыл ли я, чему учился? На что я сказал, будто не забыл, и он мне указал к себе привести моего труда чертежи. Но я опасался, чтобы меня не заставил чертить при себе, понеже бы не умел, умыслил испортить себе правую руку, чтоб невозможно было оною ничего делать, и набив пистоль, взяв его в левую руку, стрелил по правой ладони, чтоб пробить пулькою, и хотя пулька миновала руки, однако ж порохом больно опалило; а пулька пробилла стену в моей каморе, где и ныне видимо. И отец мой видел тогда руку мою опаленную и спрашивал о причине, как учинилось? Но я ему тогда сказал иное, а не истину. Отчего можно видеть, что имел страх, но не

сыновский»).

Заслуживает внимания тот факт, что царевич в чем-то стремился подражать своему отцу. Но во всех случаях он заимствовал не лучшие, а худшие стороны характера и образа жизни родителя.

Петр, как известно, комплектовал «штат» соратников как из представителей аристократии, так и простолюдинов, руководствуясь рационалистическим критерием — наличием у них талантов. Широко известны такие имена соратников царя из простонародья, как Меншиков, Курбатов, Шафиров, Ягужинский. Свой двор царевич комплектовал тоже из низов общества, но среди его приближенных мы не найдем ни одной личности, обладавшей какими-либо талантами.

Царь учредил печальной памяти Всепьянейший собор, состоявший из уродливых обжор и забулдыг. Царевич тоже учредил нечто подобное Всепьянейшему собору, прозвав некоторых его членов непристойными и не подходящими для печати прозвищами. Причем, в отличие от Всепьянейшего собора Петра, совершавшего лишь эпизодические вылазки с участием царя, сборища царевича с участием пьяниц и обжор собирались систематически. Отсюда проистекало хорошо известное пристрастие царевича к горячительным напиткам.

Наконец, царь женился, по терминологии того времени, на «чухонке», бывшей служанке пастора Глюка, захваченной в плен в 1702 году. Царевич тоже завел фаворитку из крестьянской челяди своего учителя Вяземского и имел твердые намерения на ней жениться.¹¹

¹¹ Павленко Н. И. Петр Великий. М., 1999. С. 471–501; он же. Вокруг трона. С. 321–341; он же. Петр I. М., 2003 (серия «ЖЗЛ»). С. 224–251.